

УДК 82-192(470)
DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-114-122

«Вселенская Большая Любовь» Е. Летова:
еще раз о претексте

Денис Л. Карпов

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Ярославль, Россия, karpovdl@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена связи текста песни Е. Летова «Вселенская Большая Любовь» с романом Г.Э. Носсака «Спираль», о которой говорил сам поэт. Автор предлагает посмотреть на текст Летова как на палимпсест. Вследствие того, что это не единичный случай в поэтической практике Летова, в статье делается вывод о продуктивности такого подхода. Также подчеркивается важность изучения Летова в контексте творческой и философской мысли XX в.

Ключевые слова: русская рок-поэзия, Е. Летова, Г.Э. Носсак, интертекст, палимпсест

Для цитирования: Карпов Д.Л. «Вселенская Большая Любовь» Е. Летова: еще раз о претексте // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 2. С. 114–122. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-114-122

“Universal Great Love” by E. Letov.
Once again about the pretext

Denis L. Karpov

*Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia,
karpovdl@yandex.ru*

Abstract. This article deals with the connection of the E. Letov’s song text “Universal Great Love” with G.E. Nossak’s novel “Spiral”. The poet himself spoke about that connection. The article offers a view of Letov’s text as a palimpsest. Because it is not an isolated case in Letov’s poetic practice, the article concludes that such an approach is productive. The importance of studying Letov in the context of creative and philosophical thought of the 20th century is also emphasized.

Keywords: Russian rock poetry, E. Letov, G.E. Nossak, intertext, palimpsest

© Карпов Д.Л., 2025

For citation: Karpov, D.L. (2025), “ ‘Universal Great Love’ by E. Letov. Once again about the pretext”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 114–122, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-114-122

В исследованиях и обсуждении поэтического творчества Е. Летова уже сложилась определенная тенденция рассматривать его поэзию в ее связях с предшественниками. Важный вклад в это направление вносит публикация А. Яркого и М. Кучеренко, в которой текст «Русское поле экспериментов» представлен как палимпсест, тесно связанный с антиутопией Дж. Оруэлла «1984». Более того, исследователям текст Е. Летова представляется внутренним монологом Уинстона, главного героя романа [Кучеренко, Яркий 2018, с. 96]. Подобный подход нами также применялся при изучении связи песни Е. Летова «Вселенская Большая Любовь» и романа Ю. Мамлеева «Шатуны» [Карпов 2017]. В данной статье так же, как и в статье А. Яркого и М. Кучеренко, текст Летова рассматривается в связи с сюжетом и основными темами романа Мамлеева. Это позволяет говорить не только об идеологическом влиянии писателя на рок-музыканта при их обоюдном знакомстве с творчеством друг друга, но и художественном влиянии на Е. Летова писателя, чьи идеи и образы непосредственно включаются в поэтические тексты музыканта.

Через год после выхода статьи, первый вариант которой был опубликован еще в 2013 г., появляется сборник интернет-интервью Летова «Офлайн» (2018 г.), в котором дважды упоминается «Вселенская Большая Любовь», но оба раза она связывается с влиянием другого автора – Г.Э. Носсака: «Причем немецкий экзистенциализм мне даже ближе. Например, Носсак. Во “Вселенской большой любви” желающие могут обнаружить некоторые параллели»¹, – и по поводу встречающегося в песне образа «А вдруг все то, что ищем – далеко за горизонтом | на смертельной истребительной дороге всё на север»²: «Сей образ заимствован из романа Ганса Эриха Носсака “Спираль”, конкретно главы “Виток спирали 5. Знак”. Тем, кто читал, должно быть очень понятно, что имелось в виду. Я давно хотел его обыграть в какой-нибудь песне, а здесь вышло само собой, просто как озарение»³. Настоящее исследование было

¹ Летова И.Ф. Офлайн. М.: Выргород, 2018. С. 43.

² Текст стихотворения цитируется по изданию: Летова Е. Стихи. М.: ООО «Выргород», 2011. С. 483.

³ Летова И.Ф. Указ. соч. С. 111.

предпринято именно для того, чтобы уточнить, каким образом может быть соотнесен текст Е. Летова «Вселенская большая любовь» с романом Г.Э. Носсака «Спираль», и насколько адекватным тексту была предыдущая интерпретация.

Реконструкция связей романа и песни всего лишь подступ к тому, чтобы поставить проблему палимпсестности текстов Летова. Но этот путь кажется продуктивным для анализа произведений поэта, как свидетельствует М. Семеляк: «Летов – крайне отзывчивый автор, и в его песнях можно найти множество благодарных пересечений...» [Семеляк 2021, с. 227]. Переработка чужого в свое вообще было в правилах Летова, о чем он говорил не раз в интервью⁴. Особое отношение автора к рассматриваемому тексту также говорит о высокой степени отражения в нем поэтического метода Летова: «Можно сочинить кучу дерьма а-ля “Эксплойтед” и им подобные, или же “Yesterday”, “California Dreaming” или “Вселенская Большая Любовь”»⁵.

Как комментирует сам автор, центральной в песне является «северная» образность, которая отсылает к роману Г.Э. Носсака. «Северный» лейтмотив, конечно, является важным и, несмотря на это, ранее он не попал в поле нашего зрения: «снега», «истребительная дорога все на север», «ледяная рана». Летов говорит не обо всем романе Г.Э. Носсака, а только о последней главе – «Виток спирали 5. Знак».

Роман состоит из пяти глав, каждая из которых называется «витком спирали». В первой, «На берегу», представлена история ночевки в гостинице молодого человека, рассказывающего дочери хозяина об инвалидности своего отца, в которой его обвиняет мать. Второй виток – «Механизм саморегуляции» – представляет собой пространный монолог персонажа, объясняющий суть своей теории, которая заключается в мимикрии под обывателя, сокрытие своей инаковости, которая в итоге должна сделать его неуязвимым к действиям окружающим. Третий виток – «Немыслимое судебное разбирательства» – выяснение судьбы жены главного героя, которая ушла ночью из дома и не вернулась. Четвертый – «Помилование», в котором герой пытается объяснить, почему он должен остаться в тюрьме, а не выйти на свободу. И пятый – «Знак».

В последнем витке рассказывается о северной экспедиции, которая находит на своем пути замерзший труп, стоящий посреди снегов, что рождает у героев вопрос, идти ли дальше, и необходи-

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Там же. С. 10.

мость сделать выбор – стать посмешищем обывателей или погибнуть, продолжив путь. В итоге это вызывает еще один вопрос о целесообразности всего предприятия.

Лейтмотивами романа оказывается так называемый механизм саморегуляции – принцип общения с миром, который подразумевает максимальную незаметность героя в его отношении к окружающему, полная мимикрия под обывателя и попытка сохранения внутренней свободы. Каждая из этих историй является кошмаром мыслящего человека, борющегося с бессонницей, о чем говорится в небольшой прамбуле, предшествующей первому витку спирали.

Учет этого контекста при анализе песни позволяет кроме метафизической увидеть экзистенциальную проблематику, связанную с темой поражения: «Приползти обратно к покинутым алтарям и к бабам в постель. Кто говорит о возвращении домой? Я говорю о поражении...»⁶. Поражение мыслится героем «Знака» как окончательная капитуляция перед миром обывателя: «Таким образом, остается только самое недостижимое вернуться к той точке, где можно вести жизнь человека, потерпевшего крушение, не заставляя страдать других людей. Пусть этой точкой будут алтари и бабы, не возражаю. Если я нужен им, чтобы самоутвердиться, то я готов». Таким образом, новый претекст расширяет тематический диапазон песни, включение аллюзий на «Спираль» возвращает слушателя к социальному пафосу песни Летова, от которого уводит метафизический заголовок, а «лихорадочный поход», непосредственно связанный со «снежной» образностью, превращается в побег от враждебного и бесприютного мира.

Объединение на «смертельной истребительной дороге» бессмертных и живых также может объясняться мотивами, заимствованными из романа Носсака, в пятом витке спирали члены экспедиции, нашедшие замерзший труп, сравнивают его с богом, т. е. бессмертным: «...глядите-ка, мы открыли обледенелого бога. Он ушел от вас, потому что вы недостаточно верили в него». Кроме того, объединяет тексты амбивалентный мотив праздника и веселья: улыбка трупа, которую пытается перенять один из героев, чтобы потом соблазнять ею «баб», а в песне это трансформация «ледяной раны» в «леденец».

Сюжет экспедиции в романе мыслится не только как поражение, но разочарование в самом пути: «Обледенеем, конечно, мы все впятером. Стоит ли это делать после того, как парень с улыбкой нас опередил? Выкидывать дважды такие коленца нет смысла. Даже

⁶ Роман цит. по: *Носсак Г.Э.* Избранное. М.: Радуга, 1982. URL: <https://lib.ru/INPROZ/NOSSAK/spirale.txt> (дата обращения 29.10.2023).

если нас будет пятеро, это тоже ничего не прибавит. ...Хватит! Что нам еще остается? Потерять голову? Давным-давно это могло принести пользу: человек делал соответствующие выводы, ему везло, и он становился святым. Но, к сожалению, это уже не соответствует той ступени развития, на которой находится наш мозг. Сейчас это – шарлатанство». Реализуется эта семантика и во «Вселенской Большой Любви» в последовательности образов, эксплицирующих сюжет бессмысленности, напрасной траты сил: так «истребительная дорога все на север» превращается в «зеркально-новогодний фонарик», а «ледяная рана» в «леденец». Общее движение, описываемое в тексте песни, не имеет определенного результата: нужно ли идти «далеко» за горизонт, если «всё, что ищем... здесь смеется...». При этом указание на наличие необходимого «здесь» не дано в качестве несомненного утверждения: вводное слово «например» может в данном контексте указывать на предмет, иллюстрирующий приведенное утверждение, а также усиливать неопределенное наречие «где-то», эксплицируя модальность сомнения.

Мотив игры, иллюзорности реализуется и в романе, подчеркивает сомнительность предпринятой экспедиции-похода: «обледенелый бог» превращается в Деда Мороза, собирающегося спеть детскую песню, в которой заключен мотив отражения. Этот мотив реализуется посредством введения цитаты из сказки Пушкина («Свет мой, зеркальце! Скажи...»), а у Летова с помощью образа новогоднего фонарика, игрушки, имитирующей блеск льда.

Экзистенциальная проблематика романа Носсака актуализируется в тексте песни Е. Летова, эксплицируя пессимистический пафос: «Все наши поступки на этой равнине не что иное, как бегство в деятельную жизнь ради чего-то, что мы должны сами выдумывать. Мы должны сами выдумывать точку приложения сил, в которую, впрочем, не поверим». И любая определенность здесь не может не подвергаться сомнению: «Знаешь ли, – начал он снова, – наш друг, наверно, вовсе даже не улыбается. Скорее всего, это просто произвольное сокращение мускула».

В целом это вполне созвучно оптимизму поражения Е. Летова, который он не однажды высказывал в своих интервью, особенно ранних⁷. Сама тональность романов Г.Э. Носсака в полной мере созвучна творчеству Е. Летова, и это помогает понять, что альбомы 2000-х гг. соответствуют общей философии поэта, которая, безусловно, претерпевает трансформации, но остается монолитной.

⁷ Летова Е. Я не верю в анархию. М.: Изд. центр; Троицк: Лист-ню, 1997. С. 66.

Таким образом, можно говорить о разомкнутости текстов Е. Летова, важным свойством которых может быть названа легкость включения в разнообразные интертекстуальные связи, дающие им широкую возможность существовать в культурном пространстве. С этой точки зрения сюжет Ю. Мамлеева, разбираемый ранее, не противоречит сюжету Носсака, он включается в новые связи, обретает новые смыслы. Так взаимодействие с крошечным миром Мамлеева, перерастает в экстерриториальность⁸ героя, «лихорадочно» погружающегося «вглубь себя», что «превращает в лед», обесценивает все окружающее. Жизнь героев превращается в вечное блуждание по «белому безмолвию», заставляя вспомнить песню В.С. Высоцкого, которая также становится частью «северного текста» Летова, раскрывающего ее драматический потенциал: исполнение «Гражданской обороны» более эмоционально, нежели авторское.

Будет неверным утверждать и то, что связи с романом «Спираль» песни «Вселенская Большая Любовь» могут быть исчерпаны исключительно пятым витком. Впрочем, и в последнем витке образ снега связан не только с темой поражения, но и одиночества, которое чувствуют герои Носсака, глядя на замерзшего человека, сливающегося с окружающим: «Лицо его показалось мне похожим на пейзаж, на знакомый пейзаж. Доли и кусты и все такое прочее, что всегда бывает». Этот тематический комплекс заставляет вернуться и к основным мотивам «Белого безмолвия», «присвоенного» Летовым, но также к мотивному комплексу его собственной поэзии – «Сто добровольных лет одиночества».

В «Спирали» снег также непосредственно связан с этим комплексом, в итоге становясь метафорическим воплощением одиночества: «Все вокруг бело: наверху и внизу, слева и справа, – и хлопья валят не переставая. И здесь, где мы сейчас находимся, тоже идет снег. Мы говорим и говорим, но слова не проникают вглубь. Они замерзают и в конце концов падают на землю в виде все умиротворяющего снега. ...Снег засыпает людей, которые сидят за одним столом и пытаются беседовать друг с другом поверх белой скатерти. ... И так продолжалось без конца, семь лет подряд, целую вечность. Слова! Слова! И непрестанно шел снег. Снежные хлопья падали все гуще. Люди за столом уже давно не видят сотрапезников. Тем не менее они не встают, чтобы обойти вокруг стола и приблизиться друг к другу. ...Слова, слова. Снег хочет подарить им одиночество, но они не принимают его подарка. Не примут до тех пор, пока не задохнутся...». В данном случае можно наблюдать, как

⁸ Термин, заимствованный Г.Э. Носсаком из дипломатического языка, центральное понятие героя романа «Дело Д'Артреса».

в тематический комплекс одиночества проникает мотив ненадежности слова. Для Носсака это, видимо, включение гамлетовской темы, которая становится экзистенциальной. А для Летова – одно из важнейших положений его философской системы, о чем он не раз говорит в интервью и песнях⁹. Снег у Носсака – метафора разобщения, отделения от человеческого, побег от «презираемого». Но снег также единственная константа описываемого мира, точнее иномирия: «Снежная вьюга – непреложный факт, – закричал подсудимый», – а также: «Очень густой снег. Ветра совсем не было. Да, конечно, ведь ветер не мог проникнуть туда. – Куда? – Туда, где шел снег». Именно снег становится границей между «той стороной» и «этой». Образ «той стороны» важен для героев Носсака, он появляется в первом, втором, и третьем витках. Именно на той стороне происходит самое важное: «...на той стороне всходит солнце и луна... Я поплыву рано-рано утром, еще до рассвета, чтобы никто мне не мешал. И чтобы я очутился на той стороне после того, как уже рассветет. Я обернусь, прежде чем идти дальше, и взгляну назад – и мне будет все видно поверх реки», – говорит герой первого витка спирали. Во втором витке подчеркивается сакральный статус этого локуса: «...все те, кто рассуждает о боге, никогда не были на той стороне и понятия не имеют, что там происходит». Безусловно, помня о песне «На той стороне», нельзя не отметить, насколько этот образ оказывается важен для Летова.

Образ снега по своей сути амбивалентен: он и спасителен, и эсхатологичен. Для героев Носсака, которые ищут защиты от человеческого мира, снег – и смерть, и спасение. Как и снег, который однажды пошел над Вавилоном в известном стихотворении Летова. То, что приводит в ужас посюстороннего человека мыслится героями как единственный способ обрести свободу от обывательского мира: «Опасно не отважиться переплыть реку, остаться на месте и все забыть. Тогда пиши пропало. Тогда они заберут над тобой власть».

И еще одна важная тема, включающаяся в ряд снежных образов, – тема истинности: «Поэтому-то все сказанное нами звучит фальшиво». Сложно в этом не увидеть параллели с фразой, которую Летова придумал для «Контркультуры», и которая несколько раз возникает в книге М. Семеляка: «Я там, а вы здесь, счастливо оставаться». Только оттуда можно попробовать сказать что-то действительно важное, а все остальное заключается в максиме «все слова – п...». Герои Носсака понимают, что на той стороне логика этого мира не действует и «слова уже были не нужны».

⁹ Летова Е. Я не верю в анархию. С. 42.

Таким образом, побег, совершаемый героями Носсака, и «поход», предпринимаемый героем Летова, – это попытка избежать власти обывателя. Герои Носсака не оставляют следов, их сразу заметает снег, и в веселье им видится страшное («нам показывают столько смешного, что это порой граничит со страшным»), в этих оговорках, афоризмах и определениях, как бы исподволь проскальзывает поэзия и мировоззрение Летова. При этом, конечно, не следует сводить образность Летова целиком к образности Носсака и заверять, что летовская поэзия – пастиш или цитон. Но в этом, безусловно, следует видеть важное свойство летовской поэтики – отзывчивость, внимание к предшественникам, а само творчество при учете этого видится не только аффективным камланием, но и большой работой интеллектуала, без учета которой сложно понять глубину и оригинальность Летова-художника, что отмечает И. Жевтун: «У Кастанеды вычитали такой термин – “остановить мир”. Я тогда не очень понимал, что это такое, – да Егор и сам его, видимо, очень по-своему понимал» [Семеляк 2021, с. 46]. Понимание «по-своему», безусловно, должно постоянно учитываться во всех работах, посвященных претекстам Летова. И в этом «по-своему» необходимо искать специфику герменевтического анализа его текстов.

Литература

- Карпов 2017 – *Карпов Д.Л.* Роман Ю. Мамлеева «Шатуны» как претекст стихотворения Е. Летова «Вселенская Большая Любовь» // Русская рок-поэзия: текст и контекст / ред.: М.Б. Ворошилова, Ю.В. Доманский, Е.Э. Никитина, О.Э. Никитина. Вып. 17. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический ун-т; Тверь: Тверской государственный ун-т, 2017. С. 213–220.
- Кучеренко, Ярмо 2018 – *Кучеренко М., Ярмо А.* «Русское поле экспериментов» Егора Летова как антиутопия в лирике // Летовский семинар: Феномен Егора Летова в научном освещении. М.: Bull Terrier Records, 2018. С. 88–97.
- Семеляк 2021 – *Семеляк М.* Значит, ураган: Егор Летов: опыт лирического исследования. М.: Индивидуум, 2021. 256 с.

References

- Karpov, D.L. (2017), “Novel by Yu. Mamleev ‘Shatuny’ as a pretext for E. Letov’s poem ‘Vselenskaya Bol’shaya Lyubov’ (‘Universal Great Love’)”, in Voroshilova, M.B., Domanskii, Yu.V., Nikitina, E.E. and Nikitina O.E., eds., *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry. Text and context], iss. 17, Ural’skii gosuu-

darstvennyi pedagogicheskii universitet, Ekaterinburg, Tverskoi gosudarstvennyi universitet, Tver', Russia, pp. 213–220.

Kucherenko, M. and Yarko, A. (2018), “ ‘Russian Field of Experiments’ by Egor Letov as a dystopia in lyrics”, in *Letovskii seminar: Fenomen Egora Letova v nauchnom osveshchenii* [Letov seminar. The phenomenon of Egor Letov in scientific coverage], Bull Terrier Records, Moscow, Russia.

Semelyak, M. (2021), *Znachit, uragan: Egor Letov: opyt liricheskogo issledovaniya* [So, a hurricane. Egor Letov. An experience of lyrical research], Individuum, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Денис Л. Карпов, кандидат филологических наук, доцент, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия; 150003, Россия, Ярославль, ул. Советская, д. 14; karpovdl@yandex.ru

Information about the author

Denis L. Karpov, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia; 14, Sovetskaya St., Yaroslavl, Russia, 150003; karpovdl@yandex.ru